

Сун Цы по-прежнему стоял на коленях, не меняя позы. Ноги немного затекли, но раз Чу Тяньхэ ничего не говорил, он не смел подниматься.

В конце концов, уровень гнева Чу Тяньхэ сейчас перевалил за шестьдесят!

— Императрица.

Сун Цы всем телом вздрогнул:

— Да.

— Только что ты...

— Я виноват!

Сун Цы тут же признал вину. Бушующая, накатывающая волна гнева постепенно отступала, но сейчас Сун Цы дрожал от страха, ужасно боясь, что Чу Тяньхэ прикончит его в порыве дурного настроения.

Чу Тяньхэ приподнял бровь, в его глазах промелькнула легкая улыбка.

— Разве императрица теперь понимает, в чем была неправа?

— Да, понимаю. Я только что вел себя просто... чувственно и непростительно, но, учитывая, что я — твой законный супруг, может, отпустишь меня?!

Сун Цы был готов сказать что угодно, лишь бы остаться в живых.

Чу Тяньхэ замолк на мгновение, а затем произнес:

— Но с тех пор, как Я взошел на трон, еще никто не смел мне перечить. Императрица — первая, и это меня очень разозлило.

Сун Цы подумал про себя: «Еще бы тебе не злиться! Я ведь все знаю! Твой уровень гнева не нарисованный».

Моргнув, Сун Цы принялся изображать плач:

— Это моя вина, я не должен был пререкаться с императором. Но у меня были причины так поступить.

— О?

Чу Тяньхэ, похоже, заинтересовался и спросил:

— И какие же?

— Я... я давно слышал, что император — самый милосердный и добрый человек на свете. Только поэтому я осмелился заговорить, рискуя жизнью, но кто же знал, что я случайно разгневаю императора.

Сун Цы был готов умереть на месте!

В первоначальном сюжете Чу Тяньхэ вовсе не был милосердным — он явно являлся жестокосердным Тираном. Сун Цы чувствовал себя ужасно неуверенно, но все равно был вынужден рассыпаться в лести перед этим человеком.

От подобных бессвязных хвалебных речей у самого Сун Цы душа уходила в пятки.

Чу Тяньхэ же от такой наглости едва не рассмеялся:

— Ты говоришь, что Я милосерден? Что у Меня доброе сердце?

Несмотря на угрызения совести, Сун Цы усердно закивал:

— Угу, угу.

Чу Тяньхэ сменил позу: одна рука подпирала подбородок, а пальцы другой ритмично постукивали по столу, словно он о чем-то размышлял.

Спустя долгое время Чу Тяньхэ медленно произнес:

— Раз уж ты утверждаешь, что у Меня доброе сердце, то сегодня Я сделаю исключение и не стану тебя наказывать.

У Сун Цы засияли глаза: оказывается, лесть и впрямь работает!

Кажется, он нашел способ выжить.

Но в следующую секунду Чу Тяньхэ переменял тон:

— Однако, раз ты только что столько говорил со Мной и даже не использовал почтительных обращений, да еще и проявил неуважение перед тронным залом, не поклонившись Мне... Я накажу тебя... постоять на коленях за дверью в течение двух часов. А через некоторое время Я велю кому-нибудь обучить тебя правилам, идет?

Сун Цы подумал: «Идет хрен собачий, идет хрен собачий! Я ни за что не буду опускаться на колени, и учить ваши правила я тоже не хочу!»

Нацедив на лицо подобие улыбки, Сун Цы против воли произнес:

— Хорошо, я не возражаю. Я и сам считаю, что поступил не совсем правильно. Такое наказание мне даже больше по душе, но... у меня, кажется, онемели ноги, я... кажется, не могу подняться.

В самом конце фразы Сун Цы выдал невероятный поворот.

Сказав это, он с болью во взоре посмотрел на Чу Тяньхэ, словно говоря: «Не то чтобы я не хотел стоять на коленях, просто сейчас я даже встать не могу, как же мне идти на улицу коленопреклоненным?»

Чу Тяньхэ с усмешкой глядел на Сун Цы и спросил:

— Ноги онемели? И подняться не можешь?

От этой улыбки у Сун Цы мурашки побежали по коже, и шестое чувство подсказывало, что Чу Тяньхэ наверняка придумал очередную гадость, чтобы поиздеваться над ним!

В следующее мгновение Сун Цы в этом убедился.

Потому что Чу Тяньхэ отдал прямой приказ:

— Эй, стража, вытащите императрицу наружу и заставьте стоять на коленях! Не поднимать, пока не пройдут два часа!

Сун Цы:

— Чтоб вас всех...

Да чтоб тебя, Чу Тяньхэ, твою ж мать!

Сун Цы, которого выволокли и заставили опуститься на колени на ледяном ветуре, плакал без

слез.

Разве кто-нибудь проводит первый день замужества, стоя на коленях? Боялся, что он, Сун Цы, станет первым мужчиной в истории попаданчества, которого наказали коленопреклонением в первую брачную ночь.

Колени пронизывало холодом, в кожу впивалась легкая боль, и Сун Цы чувствовал, что его ноги уже совершенно потеряли чувствительность.

Перед Сун Цы возник синий электронный экран, и маленькая лоли обеспокоенно спросила:

— Хозяин, вы в порядке?

Сун Цы унылым голосом ответил:

— Посмотри на меня сейчас, я похож на человека в порядке?

— Т-тогда в Системе есть обезболивающее, не хотите ли принять немного, хозяин?

У Сун Цы загорелись глаза:

— У вашей Системы есть даже такая вещь? Скорее дай мне, скорее!

Но в следующую секунду Сун Цы яростно затряс головой:

— Нет, как на моем теле не останется ни следа? К тому же, я хочу, чтобы у Чу Тяньхэ проснулась совесть! Как он посмел заставить меня стоять на коленях?! Я оставлю следы побоев на своем теле и покажу их ему! Пусть в следующий раз даже не думает так легко меня наказывать!

Маленькая лоли с беспокойством посмотрела на него и снова спросила:

— Т-тогда вы и вправду собираетесь простоять здесь все три часа, хозяин?

— Я...

При мысли о боли в коленях Сун Цы начисто расхотелось стоять.

Его голос звучал обессиленно:

— Есть ли способ избавиться от этого коленопреклонения?

— У меня есть одно лекарство, после приема которого человек теряет чувствительность. Хозяин, вам оно нужно?

— Это анестетик?

— Почти.

— Подожди.

Сун Цы вдруг вспомнил о другом средстве:

— А нет ли у тебя снотворного? Выпью — и сразу усну, а со стороны будет казаться, будто я просто потерял сознание.

— Есть. Хотите, хозяин?

— Хочу.

— Хорошо, сейчас все сделаю для вас!

С этими словами маленькая лоли куда-то испарилась из этого пространства и спустя мгновение вернулась с маленьким пузырьком.

Высыпав одну пилюлю на ладонь, она протянула ее Сун Цы:

— Хозяин, принимайте!

Сун Цы возмутился:

— Ты бы мне хоть стакан воды нашла! Что, заставляешь меня глотать всухомятку?

— Э-э... Хозяин, не сердитесь, я сейчас же поищу!

Произнеся это, маленькая лоли в мгновение ока растворилась.

В конце концов Сун Цы украдкой проглотил снотворное прямо в пространстве Системы.

После этого он послушно опустился на колени на прежнем месте и стал ждать, пока подействует лекарство, чтобы «упасть без чувств».

Четверть часа спустя веки Сун Цы становились все тяжелее и тяжелее.

Наконец его тело не выдержало и безвольно рухнуло на землю.

Стражник перепугался и бросился докладывать об этом Чу Тяньхэ.

Перелистывание страниц на мгновение замерло, а в следующую секунду раздался холодный голос Чу Тяньхэ:

— Упал в обморок?

Стражник доложил:

— Так точно, сущая правда.

— А императрица-то оказалась хлюпиком.

Хмыкнув, Чу Тяньхэ приказал:

— Ступай, приведи ко мне Дун Хаосюаня, пусть проверит, взаправду ли моя императрица лишилась чувств или притворяется.

— Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/22333/2339498>